

— В канун Нового, **1988-го** года зимой не пахло. **30 декабря** температура воздуха днём была плюс 6 - плюс 8 градусов, дул сильный западный ветер с дождём. А **1 января**, после новогодней ночи (встречали Новый год скромно в семейном кругу с дедом и Тamarой Сергеевной, без гостей) мы с Митей ездили на заставу на дизеле 12:20. Прошлись до танкодрома (под дождём), а оттуда в Приморск и вернулись в Калининград автобусом.

— От заставы до свай береговая кромка усеяна мелким и средним янтарём. На берегу два выброса грязи, большой - около свай, похоже, ночные, а в воде ничего нет, грязь отошла. Крупных кусков не нашли, всё подобрали приехавшие с утра, на семичасовом дизеле (это после новогодней ночи!), нашлись и такие энтузиасты, человек десять.

— **2 января** температура плюс 6 - плюс 10 градусов! Давление упало до 722 мм, дождь, ветер юго-западный, умеренный.

— Приходили Люда с Серёжей. Серёжа не пил. Ничего. Фантастика. И чем больше не пил, тем больше грустнел. Мы с ним в пешки играли до того, как сели за стол, и после. Так до того он у меня выигрывал, а, как я выпил, то уж ни одной партии ему не проиграл, и с каждой партией Серёжа играл всё хуже, и хуже.

— ОРЗ у тебя, - поставил я ему диагноз. - Болезнь такая. "Очень резко завязал" называется. Нельзя так резко пить бросать. Видишь, и тонус понизился, и игра не идёт.

— Но ясно было, что просто Серёжа устал. Депрессия, кризис среднего возраста.

— **3-го** мы с Митей ездили в Русское. Температура плюс 8 - плюс 7, давление начало расти, ветер юго-западный, умеренный, и, что удивительно, весь день ясно! Воздух изумительно прозрачен, травка зеленеет на лугах. Вот тебе и январь!

— С янтарём мы угадали - бросало прямо там, куда мы вышли, насобирали и наловили много среднего янтаря. От Русского дошли по берегу до Янтарного и вернулись оттуда автобусом 18:20.

6 января - новость: всё брежневское (его имени) обратно переименовали. Штрих перестройки.

— **7 января** ездили с Митей в Балтийск. Просто так, на экскурсию. Я оформил себе пропуск (командировочное удостоверение "для проведения геофизических изысканий на местности") во все города погранзоны (Балтийск, Мамоново, Корнево, Янтарный, Рыбачий) для рыбалок и походов за янтарём и вот решил его опробовать - свозить Митю в Балтийск.

— Побывали у маяка, что стоит на проходе из Калининградского залива в Балтийское море, то есть на самой западной оконечности Балтийской косы. Это место - самое интересное в Балтийске, остальное всё запущено, как и в прочих городах Калининградской области.

— **9 января** были у Шагимуратова по поводу его возвращения (ещё до Нового года) из рейса на "Курчатове" с заходами в Сингапур и Гамбург. Второе плавание Шагимуратова на "Курчатове", через 20 лет после первого. А впечатлений меньше (главное - Сингапур очень чистый, но это и по ТВ показывали) - и заходов меньше, и возраст не тот. Зато стереокассетник привёз. Попили водочки с ним "Смирновской", и так, и с вермутом. Хороша в обоих вариантах.

— **13-го** смотрели с Сашулей "Жертвоприношение", а **14-го** - "81/2". Штрихи перестройки. Дожили. И 1-й номер "Нового Мира" пришёл - с "Доктором Живаго".

— "Жертвоприношение" - фильм о вере. Великий фильм.

— А "8.5" - об искусстве. Тоже великий фильм. Но полегче. Правда, временами мы зевали (впрочем, от недосыпа), но постепенно я втянулся в атмосферу фильма и к концу совершенно заразился ей.

Сашуля, Ирина, Митя и Миша зимой 1987-88 г.

— 6 мая 1988 г., кирха

— В середине января приехала Ирина на каникулы, сессию сдала досрочно (одна или две четвёрки, остальные пятёрки) и освободилась раньше. Дима же на сессию еле вышел, было много хвостов, но он-таки подобрал их и сессию кое-как сдал. Приехал в конце января. Ирина на него фуфырилась, глядеть на их взаимоотношения радости никакой не

доставляло. Миша, к счастью, ничего не замечал и был одинаково рад и маме, и папе, приехавшим из Ленинграда.

— Уезжали они порознь. Сначала Дима, через сколько-то дней Ирина. Приехав в Ленинград, она Диму дома не застала, а ключа он на вахте не оставил (ключ, понимаете ли, у них один), хотя знал, что Ирина должна приехать, и сам появился поздно вечером.

— Ирина, злая, что пришлось околачиваться с вещами у закрытой комнаты в ожидании, что муж, может, вот-вот появится, набросилась на него с упрёками. Тот, в свою очередь, оскорбился: в его компании, оказывается, случилось несчастье - погибла, выпав из окна, буфетчица общежития, которая им уют создавала, а тут Ирина со своими претензиями. И смылся опять куда-то.

— Ирина, найдя их семейную комнату в запущенном состоянии и злая на мужа, ушла ночевать к девочкам, с которыми жила раньше. Дима, вернувшись и не застав дома жену, стал среди ночи ломиться к этим девочкам, требуя выдачи супруги. Своего он добился и потребовал далее развода. Ирина тут же согласилась - пожалуйста, мол, хоть сейчас, занимайся только сам этим.

— Какое-то время они не разговаривали друг с другом, потом Дима вдруг стал просить прощения, и они помирились. В очередной раз. Ненадолго, разумеется.

— Ох, дети, дети.

— Обоих бы лупить следовало. К девочкам ушла - тоже номер. Мало им ссор наедине, публичных скандалов захотелось. Дурачьё.

— Мне об этом Ирина ничего не рассказывала, только маме, когда приезжала в следующий раз, в апреле, а я от Сашули узнал. А то бы я ей нотацию прочитал: надо иметь свой ключ, из комнаты своей не убежать к девочкам надо было, а убраться в ней, и концертов совместных с мужем в общежитии не устраивать.

— Вот уж, действительно, парочка.

В конце января в Апатитах проходил традиционный семинар по физике авроральных явлений. На него отправились я, Клименко, Ваня Карпов, Смертин и Щербак. До Мурманска самолётом, оттуда поездом, вечером были уже в Апатитах, где я не бывал с 81-го года, когда выступал там с докторской.

Поселились в "Аметисте". Утром - открытие семинара в ПГИ и встреча со множеством старых знакомых - Славик, Юра, Мингалёвы, Козеловы, Лазутин, Распопов и т.д., и т.п. Меньше всех изменился за последние годы Славик, а больше всех, пожалуй, Распопов - обрюзг, полысел, потолстел, согнулся, хромает после аварии, вот только речь и манеры не изменились.

Распопов был только на открытии, а потом исчез и больше на семинаре не появлялся. Заправляли семинаром Славик с Витей Мингалёвым. Но и они (даже Слава!) как-то не очень активно дискутировали по научной части, часто исчезали куда-то, чувствовалось, что их гораздо больше заботят другие дела.

Собственно, у них теперь было одно главное дело - ДОСП и всё, что с ним связано. В частности, на данный момент они боролись с Распоповым за снятие выговора, который он объявил своему заместителю - Мингалёву "за проведение в помещении Института собраний официально незарегистрированных организаций".

Я этот выговор собственными глазами видел: на стене в коридоре висит. Дословцы считали выговор незаконным: сотрудники института оставались после работы обсуждать проблемы общественной жизни страны и собственного института - в чём тут криминал? Выговор тем не менее висел.

Непрерывно приходилось выяснять отношения с местными партийными и советскими органами, не знавшими, что же делать с этим ПГИ, как там навести порядок или направить их энергию в нужное русло, но где, собственно, проходит это русло - никто теперь не знал.

— 11 мая 1988 г., кирха

— На вечер Слава пригласил меня к себе домой в гости вместе с Юрой Мальцевым и Алексеем Кропоткиным - инияфовцем из Москвы, магнитосферщиком, знакомым мне ещё со времён зимней апатитской космофизической школы конца шестидесятых годов (было тогда такое трио из НИИЯФа - Кропоткин, Алексеев, Шистер; я выступал перед ними с рассказом о своей кандидатской на импровизированном семинаре в ПГИ), но не близким знакомым, встречался я с ним редко, лишь когда попадал на магнитосферные сборища.

— Дома у Славы по случаю студенческих каникул гостила Юля, папина любимица, заметно похорошевшая за время, которое я её не видел, и превратившаяся из угловатого подростка в симпатичную девушку. Представили мне и Отошу, Отто, шестилетнего сына Славы и его новой жены Тани, не без досады, как мне показалось, охарактеризовавшей своё дитё как совершенно заурядное создание, которое, мол, и продемонстрировать-то не стоит.

— Хотя Славик заранее предупредил, что разносолов не будет, что он советует поужинать прежде, чем к нему в гости идти, тем не менее стол был накрыт, и Слава выставил гостям маленькую и остатки водки из другой бутылки, квашеную капусту и жареную картошку с мясом.

— Перекусив, перешли к чтению отрывков из мемуаров, которые я специально на этот случай прихватил с собой из Калининграда. Я читал кусочки из описаний приключений времён чехословацких событий ("Живаго", Лужбин, выборы), известных в общем-то Славе и Юре либо как непосредственным участникам этих приключений, либо из моих прежних устных рассказов о ладушкинской жизни тех времён.

— Слушали моё чтение именно так, как мне и мечталось о таком слушанье - ни звука постороннего. Так слушали меня те же Юра и Слава, когда я в старинные времена читал им вслух что-либо из понравившихся мне литературных новинок. Когда я кончил - прочёл всё, что взял с собой, Слава после некоторого молчания произнёс:

— Да, бойко ты пишешь, ничего не скажешь.

— А Юра сказал:

— Я всё это знал, ты раньше ведь рассказывал, а всё равно интересно было слушать.

— Но и без этих комплиментов само их внимательное слушание было мне достаточной наградой.

— Ну, и, разумеется, не обошлось без разговоров о демократии, о перестройке и о ДОСПе, проблемами которого жили Слава и Юра.

— Я недоумевал: не жалко им столько сил и времени тратить на то, чтобы насадить демократию в ПГИ, привести к самоуправлению толпу сотрудинок, вовсе этого самоуправления не жаждущих и к нему не готовых.

— Тане не понравилось моё пренебрежительное отношение к народу - "толпе сотрудинок", как я выразился, а Слава заявил, что под лежащий камень вода не течёт, и, что, если с народом не работать, не приобщать его к демократии, так он никогда и не станет готовым к самоуправлению. Нельзя научить плаванию в сухом бассейне.

— Всё это так, - согласился я, - но мне кажется, что бороться за демократию в рамках ПГИ - это не того масштаба деятельность для Славы и Юры, мелковато.

— Что же делать, я не член Политбюро, и даже не член ЦК, к сожалению, - ответил мне Слава.

— Жалеешь теперь, что в партию не вступил? - пошутил я.

— Да нет, конечно. С ума сошёл, что ли? Просто каждый должен бороться за демократию на своём месте. На том, которое он занимает.

— Прощаясь с Таней, Алексей приглашал её заходить к нему в Москве, когда она будет там, на что Таня опять же не без досады, как мне показалось, заметила, что она не Слава, который по командировкам разъезжает, она к кухне привязана.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)